

<12 апреля 1923>

В Президиум Всерос<сийского> Центр<ального>
Исполнит<ельного> Комитета

Копия: Президиуму ГПУ
Прокурору Республики.
Москва

Заявление

14-го марта с<его> г<ода> в день 25-летия Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, находящиеся в г<ороде> Оренбурге политические ссыльные-социалисты собрались на квартире у одного из своих товарищей отпраздновать это историческое событие. Несмотря на интимный характер праздника, все участники его (23 чел<овека>) были арестованы и препровождены в подвал при Комендатуре Оренбургского ГПУ. В составленном при аресте протоколе указано, что при обыске ничего противозаконного не обнаружено, и что, согласно заявлению самих арестованных, все присутствовавшие собрались для того, чтобы в товарищеском кругу провести вечер по случаю 25-летия РСДРП. В подвале арестованных продержали 7 суток без всякого допроса и без предъявления какого бы то ни было обвинения. Затем им было объявлено о высылке их, по распоряжению Орен<бургского> ГПУ, из пределов г<орода> Оренбурга в разные места Киргизии. На требование предъявить какое-либо обвинение или указать основание для подобной репрессивной меры, было отвечено отказом. К концу 7-го дня все арестованные были освобождены из подвала с обязательством, за круговой порукой всех освобожденных, явиться в указанный срок в комендатуру ГПУ. Десяти товарищам были объявлены места высылки в пределах Актюбинской губ<ернии>, и с них взято было обязательство доставить к субботе 31/III в комендатуру свои вещи, а самим явиться туда же к 6 часам утра в воскресенье 1 апреля для следования с этапом в Актюбинск.

В ночь с 31/III на 1/IV высылаемые стали собираться в ближайшей к ГПУ квартире отъезжавших, чтобы поутру всем 10-ти человекам вместе отправиться в комендатуру. В ту же квартиру приходили по одиночке и те из остающихся в Оренбурге ссыльных, как социалистов, так и беспартийных, кто пожелал проститься с высылаемыми. В 2 часа ночи явились агенты ГПУ без ордера и объявили нас всех арестованными. На настойчивое требование ордера таковой был доставлен через полтора часа. К моменту отправки арестованных в ГПУ (около 3-х часов) явились в квартиру еще трое ссыльных, из них один отъезжавший, и двое провожавших. К 4-м часам утра мы были приведены к зданию комендатуры Ор<енбургского> ГПУ и, примерно, в продолжении 2-х часов оставались на улице перед зданием. На наши неоднократные настойчивые требования ввести нас внутрь здания, комендант отвечал отказом. Наши повторные требования вызвать кого-нибудь из ответственных сотрудников ГПУ также были отвергнуты. Вместо этого была внезапно вызвана воинская часть (около 40 чел<овек>). Красноармейцы со штыками наперевес окружили нас. Уезжающие товарищи были вызваны по списку и отделились от остальных. Из здания комендатуры вышел сотрудник Ор<енбургского> ГПУ гр<ажданин> Углов и предложил уезжающим войти в здание комендатуры, а провожающим отправиться в подвальную камеру. На заявленное ему требование вызвать кого-либо из ответственных сотрудников ГПУ он резко отвечал, что не желает с нами разговаривать. Тогда комендант с криком набросился на ближайшего к нему ссыльного, д<окто>ра Верховского, и схватив одной рукой за горло, а другой за лицо, стал тащить во двор

комендатуры. Вслед за комендантом бросились на нас красноармейцы и некоторые из служащих при комендатуре. Действовали штыками, прикладами, кулаками. Фактически не оказывая никакого сопротивления, мы были оттеснены во двор комендатуры, причем, некоторые из нас подверглись грубейшему насилию. Во дворе мы простились с некоторыми из отъезжавших товарищей, в суматохе также оттиснутых внутрь двора, и вошли в подвал. Возмущенные полной бессмысленностью, как самого ареста, так и всем последующим, мы тотчас же послали Полномочному Представителю ГПУ по Кир<гизской> республике заявление о происшедшем (с копией прокурору Кир<гизской> республики), требуя немедленного освобождения и расследования всего инцидента, и объявили голодовку. Следствие начал вести один из виновников инцидента, гр<аждаин> Углов. На третий день голодовки следствие было оборвано, а мы были освобождены представителем Кир<гизского> ГПУ с объявлением о рассылке нас по глухим местам Киргизии. В субботу 14-го апреля 14 человек из нас должны явиться с визами в комендатуру для отправки вслед за первой партией в г<ород> Актюбинск, а оттуда вглубь Киргизии. Во всем происходящем мы видим, во 1-х) попытку местной власти лишить нас права элементарного товарищеского общения друг с другом, освященного десятилетиями русской политической ссылки и признававшегося даже в наихудшие времена царизма; во 2-х) акт непримиримого отношения власти к развитию социалистического движения и борьбу со всяким проявлением независимой социалистической мысли в России; в 3-х) грубейший произвол Киргизской краевой администрации, без всякого суда и следствия рассылающей нас на верную гибель в глушь киргизских степей.

Во имя элементарных прав наших, как людей, граждан и социалистов, мы самым решительным образом протестуем против совершенного над нами нравственного и физического насилия. Мы требуем:

- 1) Беспристрастного расследования всех событий как 14/III, так и утра 1/IV, через особо уполномоченное лицо;
- 2) Допроса всех высланных, арестованных и потерпевших в утро 1/IV и привлечения виновных к суду;
- 3) Приостановки нашей высылки из Оренбурга, а наших 10 товарищей — из Актюбинска, до окончания следствия;
- 4) Запрещения высылки в места, лишенные элементарных условий оседлой культурной жизни и удаленных от железных дорог, а равно и высылки больных, слабосильных без предварительного заключения врачебной комиссии.
- 5) Незамедлительной отдачи соответствующих срочных распоряжений по телеграфу.

Апреля 12 дня 1923 г<ода>.
г<ород> Оренбург.

Политические ссыльные (подписи):

А. Каплан, Р. Богорад, М. Богорад, Е. Богорад, Ф. Лысов, А. Рожков, С. Дейч, В. Каплан, Д. Либерова, В. Безручко, И. Махаев, Л. Грановский, К. Поночевная, Г. Верховский, М. Шеенсон, П. Колобушкин, И. Фрулин.

Справка:

1. Фамилии 10 ссыльных, высланных 1/IV в Актюбинск<ую> губ<ернию>:

Брауде Ю., Волкова А., Гутерман Б., Думко Н., Зубелевич Ю., Кинбер Л., Левинсон Б., Мандельштам М., Перетц Б., Покровский С.

2. Фамилии 14 ссыльных, высылаемых 14/IV:

Богорад Е., Богорад М., Богорад Р., Верховский Гл., Грановский Л., Дейч С., Каплан А., Каплан В., Либерова Д., Лысов Ф., Махаев И., Поначевная К., Рожков А., Шеенсон М.

3. Высылается в г<ород> Вятку – Фруммин И.»¹.

<14 апреля 1923>

«В Президиум ВЦИКа

Копия прокурору Республики
Копия Президиуму Всерос<сийского>ГПУ

Мы, нижеподписавшиеся политические ссыльные в Актюб<инской> губ<ернии>, требуем привлечения к ответственности и предания суду ответственных руководителей Оренбург<ской> Губ<ернии>, Киргизск<ой> Области и Актюб<инского> губ<ернского> отд<ела> ГПУ за явно незаконные действия по отношению к нам.

Мы проживали в качестве политических ссыльных в г<ороде> Оренбурге. 1-го Апреля с<его> г<ода> Оренбургским губ<ернским> и Киргиз<ским> Областным ГПУ мы были высланы в Актюбин<скую> губ<ернию>. ОГО² ГПУ вынесло при этом постановление о запрещении службы в советских учреждениях семерым из нас — социал-демократам. Мы заявили протест против этой незаконной меры Киргизскому обл<астному> ГПУ, которое, согласившись с тем, что постановление ОГО ГПУ бессмысленно и незаконно, заявило в лице пом<ощника> нач<альника> с<екретной> о<перативной> ч<асти> Барташевича, что постановление им отменено. Однако, когда мы приехали в Актюбинск, оказалось, что заверения Кир<гизского> ГПУ были лишь злостным надувательством и что прежнее постановление ОГО ГПУ осталось в силе.

Трем из нас, социалистам-революционерам, служба в советских и прочих учреждениях была разрешена. Но вследствие давления нач<альни>ка Актюб<инского> губ<ернского> ГПУ на учреждения, возможность службы в Советских и Общественных учреждениях для них практически исключена.

Запрещение службы является ограничением в гражданских правах. Политические ссыльные этих прав не лишены и в них не ограничены. Создавать эти ограничения органы ГПУ не имеют никакого права. Постановления об этом ОГО и Актюб<инского> ГПУ представляют из себя акт грубейшего административного произвола и прямого издевательства над законоположениями самой же Сов<етской> власти.

Все мы, 10 человек, были сосланы решением Особой Комиссии при НКВД в Оренбургскую губ<ернию> или г<ород> Оренбург. Кир<гизское> и ОГО ГПУ нас перебросили в Актюбинск<ую> губ<ернию>, зло насмеявшись над декретом ВЦИКа, который <имеет> право выносить постановление о высылке, о местах высылки, а, следовательно, об изменении при НКВД и президиуму ВЦИКа.

Актюб<инское> ГПУ нас разбросало по глухим местам Актюб<инской> губ<ернии>, вроде села Кос-Истека и Иргиза, заброшенной в Киргизской степи в 150 верстах от ж<елезной> дор<оги>. Жизнь в этих местах для нас, лишенных к тому же права службы в Сов<етских> учреждениях, создает угрозу голодной смерти.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 8. С. 179-181. Автограф.

² Особый Губернский Отдел.

Мы решительно протестуем против грубого произвола Оренбургских и Актюбинских властей, против дикого насилия над социалистами-ссылными, против стремления истребить нас физически, поставив в невозможные условия существования.

Мы требуем отмены запрещения службы и возвращения нашего в г<ород> Оренбург.

14/IV-23 г<ода>.

Политические ссылки (подписи)

Мандельштам, Перетц, Думка, Кинбер, Ю. Брауде, Левенсон, Покровский, Ю. Зубелевич, Волков, Гутерман.

Примечание:

Высылаются в Иргиз: Думка, Кинбер, Брауде, Мандельштам, Волков.

В Кос-Истек — Левенсон, Зубелевич, Перетц.

В Актюбинск — Покровский, Гутерман (больные)»³.

<13 ноября 1923>

«ОРЕНБУРГА

МОСКВА КУЗНЕЦКИЙ МОСТ 16 ЕКАТЕРИНЕ ПЕШКОВОЙ

ВЫСЫЛАЕМСЯ СУББОТУ ОТДАЛЕННЕЙШИЕ МЕСТА КИРГИЗИИ СОТНИ ВЕРСТ ОТ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ОТСУТСТВУЮТ РАСПУТИЦА РАЗГАРЕ ЧЕТВЕРО СЕРЬЕЗНО БОЛЬНЫХ ДОБИВАЙТЕСЬ ОТМЕРЫ ВЫСЫЛКИ ИЗБЕЖАНИИ ВЕРНОЙ ГИБЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛНЫЕ ЕЛЕНА МОИСЕЙ РАИСА БОГОРАД ГРАНОВСКИЙ ПОНОЧЕВНАЯ РАПОПОРТ»⁴.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 9. С. 206. Машинопись.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. С. 231. Машинопись.